

Олег Волховский

Избранник

Рассказы

Олег Волховский

Избранник

«Автор»

2026

Волховский О.

Избранник / О. Волховский — «Автор», 2026 — (Рассказы)

Империя, где бессмертие — не дар, а налог. Где высшая честь неотличима от смертного приговора. Где золотые цепи — символ долга, а напиток перевоплощения притупляет страх. История о том, чего стоит вечная власть — и кто платит эту цену. О преданности, которая требует невозможного. И о выборе между побегом и жертвой, когда оба пути ведут в никуда. Восточное фэнтези для тех, кто любит, когда красота ритуала скрывает ужас.

© Волховский О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

*	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Олег Волховский

Избранник

*

– Радуйся, о Лиэн Мэй, ибо ты избран вместилищем духа!

Трое воинов низко поклонились, двое шагнули ко мне.

– Нет! Пощадите! Я только сдал экзамен!

Руки заломили назад и скрутили веревкой. Выдернули из-за пояса меч. Дверь отъехала в сторону, и перед моим носом вырос дородный человек в малиновой шапочке и малиновой мантии ученого. Глаза внимательны и хитры, подбородок украшен маленькой бородкой. Пухлые руки. Мантия расшита белыми журавлями.

Человек опустился на колени и трижды коснулся лбом пола.

– Меня зовут Сым Тай-ши, о шэньди. Божественный император Гуа-ди страны Вэ назначил меня Распорядителем Смерти. Я буду сопровождать тебя в Небесный Павильон.

"Шэньди"! Титул приговоренного. Да, что! Меня предупреждали. "Император при смерти, Мэй. Отложи экзамен." "Бросьте! Я же в списке. Разве можно пренебрегать такой милостью?"

Сходил к гадалею. Он долго смотрел на меня из-под нависших бровей. "Лучше бы отложить..." "А, если не откладывать?" "Ну, ладно, тяни." Я наугад вытянул из коробки длинную полоску бумаги с надписью: "Смерть и жизнь – это неизбежная судьба." Поднял взгляд на гадалею. Он отвел глаза. "Ты понял."

Я сдал экзамен. Маленькая каморка. Только стол, скамья, бумага, тушечница да кисточка для письма. Духота, и, извините, вонь к исходу третьих суток. Да шаги и окрики надсмотрщика, прохаживающегося между рядами каморок таких же несчастных. Экзамен сдавали человек триста одновременно. А за передачу шпаргалки можно и в тюрьму угодить.

Но я его сдал. Мое стихотворение из шестидесяти слов было признано лучшим. Как я радовался тогда, болван! Уже видел себя чиновником высокого ранга, а то и губернатором провинции, как отец. Как бы ни так!

Не прошло и суток, как меня выпустили из вонючей камеры экзаменуемого, и ко мне заявили эти. Императорская охрана!

Меня вывели из дома и усадили в паланкин. Связали ноги. Не очень туго (как можно причинять боль шэньди!), но достаточно. Руки связали спереди и наглухо задернули красные шелковые занавески.

Паланкин мягко покачивался. Полуденное солнце било сквозь занавески, все окрашивая в цвета заката и осени. И крови. "Так по рекам осенним красные листья плывут..." Шелк слегка колебался от ветра и оживали вышитые драконы, извиваясь и изрыгая пламя.

Сколько ехать до Небесного Павильона? День? Два? Уж точно не больше. Я слышал стук копыт, скабрезные шуточки рабов, несущих паланкин, да голоса охранников. Сколько их? Я попытался вспомнить картину, которую увидел, когда меня вытолкнули из дома. Много! А, чего ты хотел? Почетный эскорт шэньди никогда еще не составлял менее восемнадцати воинов.

Мы ехали уже часов восемь, солнечный свет померк, и занавески из алых стали багровыми, когда кортеж внезапно остановился.

– Приветствую сиятельного Сым Тай-ши, учейшего из мужей, и его великолепных воинов, преданнейших слуг Императора Гуа-ди!

Голос был мне знаком.

– И тебе привет, Гань Хао, лучший из воинов и мудрейший из последователей божественного Лао-цзюня!

Гань Хао! Вассал моего отца. Воин, десять лет назад оставшийся без господина. Тогда отец нанял его в свою охрану, выдал подъемные. Теперь Хао – известный мастер меча. И не только. Не об искусстве меча говорил с ним отец, когда они вдвоем пили чай на веранде над маленьким изящным прудом с мостиками и ноздреватыми камнями. Знаю, я достоин казни за сыновнюю непочтительность, но было дело – подслушал один разговор.

"Беседа с тобой – праздник для меня, Гань Хао," – говорил мой отец. – "Мало, кто из воинов знает не только меч, но и книгу и умеет толковать древних мудрецов. Ты славно мне послужил, но я больше не могу злоупотреблять твоей преданностью. Ты вполне способен написать стихотворение из шестидесяти слов и получить приличную должность. Я дам тебе денег – и поезжай в столицу".

"Прости меня, господин, но я не могу принять твое предложение".

"Почему же?"

"Посмотри на эти хризантемы, чьи лепестки изящны и остры, как золотые стрелы древнего царя. И капелька росы на острие. Посмотри на этот пруд. Видишь: закатное солнце горит в глубине. А потом его сменит луна. Осенняя луна. Ты слышишь: капля, скатившись по листу, упала в пруд."

"О Гань Хао! Уже двадцать лет, как меня назначили губернатором, я ничего этого не вижу и не слышу! Дела, дела, дела!"

"Вот и ответ. Я не хочу, чтобы обязанности чиновника, заслонили от меня Путь".

И вот теперь воин и философ Гань Хао стоял в пяти шагах от моего паланкина и вежливо приветствовал моих тюремщиков.

Дать ему знать. Немедленно! Как? Шторы занавешены, руки связаны. Кричать? Нет ничего глупее!

– Не поделишь ли с нами ужин, уважаемый Гань Хао? Мы остановимся на ночь в Персиковом Павильоне.

– Благодарю, сиятельный Сым Тай-ши. Но я еду в столицу, встретить сына моего господина, который сдал государственные экзамены.

Молчи! Не продолжай, Хао, если ты верный вассал! Только не проговорись! Ну! Сым наверняка не знает, кто твой господин. И не уходи, останься на ужин. Тебе больше нечего делать в столице.

Голоса стали тише, и я представил, как Распорядитель Смерти склонился с седла к Хао, который стоит в шаге от него.

– Я для тебя всегда просто Сым Бо, Гань. Неужели ты не помнишь, как носил мне рис и свитки, когда я, нищий студент, жил при храме и только мечтал об экзаменах. Сым добра не забывает. Ну, останься. Ради старой дружбы.

Тишина.

Шепот Сыма.

– Попьем вина, Гань Хао, поиграем в шахматы. Ты ведь раньше любил эту мудреную игру юго-западных варваров. Поговорим. Почитаем стихи. Куда ты пойдешь, на ночь глядя? Ничего не случится с твоим мальчишкой! Ну?

– Ну, ладно.

Я возблагодарил всех предков рода Лиэн, всех духов гор и вод и даже Небесного Императора. Хотя последний...

Вскоре паланкин опустили на землю. Мне развязали ноги и позволили выйти. Гань стоял рядом с Распорядителем Смерти и мило беседовал. Невысокий воин лет сорока, точнее сорока трех, без доспехов, в простой одежде. Гань Хао не носил шелка. Рядом с разряженным Тай-ши

он смотрелся чуть ли не крестьянином. Только меч и кинжал на поясе, твердость и уверенность движений да гордая осанка быстро развеивали это впечатление.

Я просто сверлил его глазами и молчал. Если бы я сказал хоть слово, хоть жестом показал, что мы знакомы – все, наше дело было бы проиграно. Наконец, Гань обернулся. Скользнул по мне взглядом. Сумерки! Мог и не узнать. Отвернулся и продолжил ученую беседу.

Меня аккуратно подтолкнули к павильону. Все-таки положение шэньди несколько отличается от положения обычного арестанта. Шэньди никто не посмеет пытаться, бить или морить голодом. Правда, и наличие вины не обязательно. Точнее, противопоказано.

Перегородка с изображением Садов Бессмертных отъехала в сторону, и передо мной открылась большая комната. На полу подушки и мягкие циновки, на стенах роспись: справа и слева – горы и потоки, а прямо передо мной – птицы на ветвях на фоне далеких синеющих вершин и мокрый бамбук.

– Это комната Императора, шэньди. Он останавливался здесь по пути в Небесный Павильон. Ты проведешь тут ночь. Смотри!

Сым Тай-ши отодвинул перегородку справа от меня. Там на коленях сидели трое воинов в кожаных доспехах. Увидев нас, они поклонились, трижды коснувшись лбами пола. Точнее, увидев меня. Тай-ши не воздают таких почестей.

Распорядитель Смерти отодвинул левую перегородку, и мне поклонились еще трое стражей.

– Так что без глупостей, – шепнул Сым, кивнул воинам, и перегородки вернулись на место.

– Простите, мне надо с вами поговорить, – очень тихо сказал я.

Тай-ши впился в меня взглядом.

– Предупреждаю, я верен Императору, – сквозь зубы процедил он. Однако, шепотом. Это обнадеживало.

– Разговор совсем не о том. Прощу вас!

– Хорошо. Воля шэньди должна исполняться, если она не противоречит его предназначению. Сейчас подадут ужин.

Он вышел, и я увидел, что в прихожей дежурят еще трое воинов. Девять – число совершенства. Я усмехнулся. Вся жизнь шэньди должна быть окружена мистическими символами. Таково его предназначение.

Разряженный в шелка слуга почтительно подал ужин. Поставил передо мной низкий нефритовый столик, украшенный золотом. Отошел на три шага и сделал тройной земной поклон. Замер на коленях, ожидая моих приказаний.

Я сел перед столиком, скрестив ноги. По бокам расположились двое воинов, и мне наконец развязали руки.

Ужин состоял из белого риса, рисового вина и овощей. Мяса не полагалось. Шэньди должен соблюдать пост. Ладно и этого довольно. Взял палочки для еды. На них стоило обратить внимание. Остро заточенная слонобая кость. Не так остро, чтобы стать оружием, но все же...

Я приканчивал рис, когда дверь напротив отползла в сторону, и в комнату вошел Сым Тай-ши. Встал передо мной на колени, совершил тройной земной поклон. Этот обряд уже начал меня раздражать. Как это терпит Император?

– Я слушаю тебя, шэньди.

– Я хотел попросить у тебя прощения, сиятельный Сым Тай-ши. Я не сразу понял, насколько большую честь мне оказал божественный император Гуа-ди. Я принадлежу ему, как и все под этим небом. Вспомни я об этом сегодня утром – и не проявил бы позорного малодушия, когда вы объявили меня шэньди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.